

101
ПОЭТ
XXI
ВЕКА

Валерий
Тёркин

СКВОЗЬ
ПРИЗМУ ЛЕТ

Валерий Борисович Теркин
Сквозь призму лет
Серия «101 поэт XXI века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51931481

*Сквозь призму лет:
ISBN 978-5-00170-039-5*

Аннотация

В настоящую книгу вошли избранные стихотворения разных лет. Лиричность, присущая поэзии Валерия Тёркина, невидимыми нитями связывает этот сборник с первой книгой автора – «Светлая печаль».

Зоркий, равнодушный взгляд поэта стремится увидеть и запечатлеть всё: его волнуют и прекрасные мелочи обыденного, и великие загадки любви, и вечная память прошлого, и насущные проблемы настоящего. О чём бы ни говорил Валерий Тёркин, во всём звучит тихая мудрость поэта, которому доступно запредельное.

Содержание

«Я всё могу принять без сожаленья...»	7
Вместо предисловия	12
От лета до лета	14
«Вчера ко мне из юности далёкой...»	16
«Печальны поздней осени картины...»	18
«Всё разметил я, всё спланировал...»	20
«Коротенький отпуск подписан...»	22
«Предо мною бархатное небо...»	24
«Дороги – всегда искушенье...»	25
«Я срываюсь из тёплой постели...»	27
«Накрапывает нудно дождь унылый...»	29
На жаркое лето 2010 года	30
«В Петропавловской церкви венчались...»	31
Снежное нашествие	33
Полынья	35
Русь моя	36
Наследие	38
Человек-великан	40
«Огни провинциальных городов...»	42
Моему городу	44
Осенний пожар 2019	46
Поэт и скульптор	48
«Не увижу тебя летящую...»	50

Кленовый букет	51
Девочка-мечта	52
Фея под зонтом	54
«Ты прости за бестактность слепую...»	55
«Ты волосы, спадавшие на плечи...»	56
«Любить тебя, распятую другим...»	57
Ладушка	58
«Ты сладкий сон манящего запрета...»	60
«Поговори со мной.....»	61
«Избегаю свиданий настолько...»	62
Параллель	63
На грани перемен	65
«Напой допьяна настоем...»	67
Склёванная вишня	68
«Услышу крик во мгле ночной...»	69
Незнакомке	71
Далёкий огонёк	73
«Как бы ни было тошно от скуки...»	75
«Всю жизнь писал стихи.....»	77
Божий одуванчик	79
Обугленное сердце	81
«Кто посмеет сказать...»	82
«В разгаре пышном лепестковый май...»	84
На Рождество	85
«Когда бы мир не был таким жестоким...»	87
Лунная кровавость	89

Валерий Борисович Теркин

Сквозь призму лет

© Тёркин В.Б., 2020

© Оформление, серия, Издательство «У Никитских ворот», 2020

«Я всё могу принять без сожаленья...»

О стихах Валерия Тёркина

Вторая книга Валерия Тёркина имеет ряд достоинств. Хочется отметить следующие находки автора: «лохматый снег», «пришёл ноябрь в монашеских одеждах», «закрапи-вил мой сад», «от щедрого лета последние крохи октябрь-горемыка клюёт», «август надежду унёс склёванной вишней»...

Пишущий человек внимателен ко всему, что его окружает. Ведь именно благодаря заострённому зрению рождаются свежие образы. Вспомнились слова португальского поэта Фернандо Пессоа: «Поэзия – это чудо, достойное восхищения, словно ты только что упал с небес и, едва придя в себя, уже поражён прелестью земли. Словно душа вещей давно тебе ведома, и ты пытаешься её припомнить...»

Это радостное чувство как бы заново открывающего мир встречается у Валерия Тёркина:

*Последний день зимы не пропусти,
Он выдался на редкость необычным...*

(«Я шурю от спящей белизны...»)

Разве заметит обыденный взгляд то, как «Дышит туманной прохладой / Старый жасминовый куст»? Разве захочет обыватель туда, «...где плещутся восходы, / Где витает дух свободы вечности земной»?

Или:

*Раскатом разносится крик воронья,
Пронзая небесную бездну.
И катится эхо, по веткам скользя,
Чтоб так же бесследно исчезнуть.*

(«Осенняя зарисовка»)

А лирик надеется на взаимность...

Любимая преображает жизнь. В четырёх строках сказано столько, сколько иным стихотворцам и на одном листе не выговорить:

*Ты сверкнула лучом вдохновенья,
Польхнула дрожащим огнём.
Угольки обгоревших поленьев
Становились во мне хрусталём.*

(«Ты явилась волнующей музой...»)

У Афанасия Фета есть чудесные стихи о «влево бегущем проборе». В нескольких строках ярко запечатлён миг восхищения любимым человеком. Причём взгляд поэта сосредоточен на одной детали, точке. В этой точке сходятся и клёны,

под которым сидит юное создание, её девичья головка, убор,
и – крупным планом – пробор. Читаем Валерия Тёркина:

*Вот смотрю на тебя скользящую,
А в душе расцветают лотосы.
Ты уходишь в весну звенящую,
Поправляя за ушком волосы.*

(«Ладушка»)

Последняя деталь чем-то схожа с фетовским пробором, рисует образ более конкретно и запоминается с ходу. Конечно, это, скорее, по наитию. Очень жаль, что Валерий Тёркин обратился к поэзии в зрелом возрасте: у него не было настоящей поэтической школы. Но то, что представлено в книге, радует порой и взыскательного читателя:

*А ты убежишь невесомой походкой
В белёсую дымку грядущего дня
Упругою ланью – красивой и кроткой,
Но только не будет в том мире меня.*

*Теплом пропитаюсь и запахом тела,
Скользнув незаметно по мокрому щеке.
Ты нежность мою ощутить не сумела,
Звездой недоступной свети вдалеке.*

(«Снежинка на ладони»)

В греческой мифологии матерью муз считалась Мнемози-

на – Память. Художник слова служит памяти – памяти дарованных традиций, вероучительных заповедей и обрядов, памяти жизни. Как говорится, «забыть – значит, предать». У Валерия Тёркина в представленной книге немало стихов, посвящённых этой сокровенной теме:

*Прошлых дней воспоминанья святы!
В городской среде другой уклад.
Но я помню стойкий запах мяты
И в цветах сирени палисад.*

(«Русь»)

Встретим стихи о давно ушедших предках, отлетевшем детстве, хранящем дыхание родителей и тепло родного очага. Стихи о погибающей деревне и даже о Павле Флоренском, самом, пожалуй, великом нашем земляке XX века.

Мне близка позиция автора, сказавшего:

*Я всё смогу принять без сожаленья,
На мир смотрю спокойно и любя...*

Это взгляд вдумчивого, принимающего Бога и Его творение человека. Человека, который хотя и «устал ни во что не верить», но жаждет «водицы испить святой». Значит, автор всё же в поиске главных маяков. И это замечательно, потому как «спокойствие – душевная подлость» (Л. Толстой). Что ж, дорогу осилит идущий.

Александр Ананичев,
секретарь правления Союза писателей России,
руководитель Сергиево-Посадской
писательской организации

О, память сердца! Ты сильнее

Рассудка памяти печальной...

К. Батюшков

Вместо предисловия

Поэзия – души моей заноза,
Ушедшие в бессмертие часы.
Ещё не музыка, уже не проза,
Но сколько в ней рифмованной красы.

Поэзия – источник откровений,
Так чувственна бывает и нежна.
Даёт немало тем для рассуждений,
Она – моя подруга и княжна!

В поэзии словесные полотна
Подобны нарисованным холстам.
К тому же и умна, и благородна...
Напевное звучанье по устам.

Поэзия – легка и музыкальна!..
Слова текут, журча, как ручеёк.
Всё чувствую и вижу – виртуально,
А иногда читаю между строк.

В поэзии картины мозаичны,
Калейдоскопом образов и фраз.
В ней автор открывается как личность,
С ним ощущаю внутреннюю связь.

Поэзия – души моей заноза,
Отдушина повинности земной.
Ещё не музыка, уже не проза...
И вьётся херувимом надо мной.

От лета до лета

Я от лета живу и до лета,
Как душистый жасминовый цвет.
Буду тенью скитаться по свету,
Если праздника летнего нет.

Я зачах бы в сезон листопада,
Замерзал бы на снежном сукне.
Не прельстит никакая награда,
Лишь бы лето вернулось ко мне.

Жду весну!.. Чуть сугробы подтают,
А берёзы нектар разольют,
Я подснежником сам расцветаю
И корабликом мчусь по ручью.

Только летом я черпаю силы,
Пью досыта бальзам, а не яд.
Только летом девчонки красивы,
Да и сам я – любовью объят!

А теперь – увяданьем изранен
Средь печальных бледнеющих лиц.
В ностальгии скупых ожиданий,
Оживу с торжеством медуниц.

«Вчера ко мне из юности далёкой...»

Вчера ко мне из юности далёкой
Пришла мечта, не пощадив седин.
Откуда ты взялась, с каких вершин?
Красавицей спустилась светлоокой.

Какое запоздалое признание!
Где ты была, когда к тебе зывал?
Я не горю теперь во весь накал,
Тем более угасли все желанья.

Холодным светом призрачной надежды
Ты всколыхнула словом тишину.
Не верю я в осеннюю весну,
И не к лицу мне белые одежды.

Зачем, скажи, разбередила душу
Игрой воображенья прошлых дней,
Они намного ярче и нежней
И вышли из глубин моих наружу.

Мечта моя, сошедши с пьедестала,
Бессовестно свела меня с ума,
Лишь стоило забыть – пришла сама,

Но только вот немного запоздала...

«Печальны поздней осени картины...»

*Глухая пора листопада,
Последних гусей косяки...
Б. Пастернак*

Печальны поздней осени картины,
Они размазаны и ветром, и дождём.
Натруженные, сторбленные спины
Мелькают тенью под моим окном.

И давит безысходность постоянно,
И нет в душе былого куража,
Мне будущее видится туманно,
Иду к нему по лезвию ножа.

Но стоит солнцу выглянуть из тучи,
Лучом своим пронзить всеобщий тлен —
Увидев мир не серым, а цветущим,
Я оживу и поднимусь с колен.

Не будет мне помехой даже холод,
Я красками наполню серый мир.
И цветом радуги раскрашу город,
А небо засияет, как сапфир.

«Всё разметил я, всё спланировал...»

Всё разметил я, всё спланировал,
По минутам расписан день.
Видно, кто-то мне позавидовал,
Стройность планов затмила тень.

Я с утра угодил в аварию,
Залетел прямиком в кювет.
Получилось не по сценарию,
Почему?.. Не найду ответ.

И провёл я остаток времени
У обочины – весь в пыли,
Озадаченный тяжким бременем,
От родного угла вдали.

Все дела мои разом брошены,
Завернулись в один рулон.
Потому-то сейчас и тошно мне,
И в душе только крик и стон.

Не исполнится воля попросту,
Может всё развалиться в миг.
Не забудь помолиться Господу,

Чтоб потом не зайти в тупик.

«Коротенький отпуск подписан...»

Коротенький отпуск подписан,
И сразу на сердце светло.
Уеду не ради каприза,
Уеду!.. Как прежде – в село!..

Поставлю машину под вишню,
Забуду проблемы – и вот:
Цикады стрекочут... так слышно!
И чист надо мной небосвод.

Сниму выходные одежды,
Какая вокруг благодать!
Приятно увидеть, как прежде,
В саду хлопотливую мать.

Ко мне со всей прыти собачьей
Несётся восторженный пёс,
Вот лапой рубашку испачкал
И тычет повсюду свой нос.

Но я не сержусь на бродягу,
Не каждый так искренне рад.
На мягкую травку прилягу,
А вечером встречу закат.

Сквозит свежескошенным сеном,
Немного парным молоком,
Здесь часто катался я с дедом
На смирной лошадке верхом.

Я жадно вдыхаю прохладу,
Шурша перезрелой травой,
Мне большего в жизни не надо,
Вела бы дорога домой.

«Предо мною бархатное небо...»

Предо мною бархатное небо
Деревенской вороной ночи.
Столько лет на Родине я не был,
Позабыл, как Млечный Путь лучист.

Подожду, пока в июльский вечер
Прогорит безоблачный закат.
И тогда обрушит бесконечность
На меня жемчужный звездопад.

Растворюсь в застывшем фейерверке,
Встречу полночь в роще у костра.
Радость созерцания померкла,
Где ты, вдохновенная пора!..

В памяти мелькнут далёким эхом
Отголоски улетевших муз.
Я вдали скитался без успеха,
Вот и здесь – не нужен никому!..

«Дороги – всегда искушенье...»

Дороги – всегда искушенье,
Бегут от холма до холма.
Надежда, мечта, вдохновенье —
В них жизни моей кутерьма.

Подъеду к намеченной точке,
Другая маячит вдали.
В азарте гоню по цепочке,
Купаясь в дорожной пыли.

Попутчики грязью швыряют,
А встречные – гонят волну.
Кто прыток – всегда обгоняет,
Не буду мешать – тормозну.

К родне забегу мимолётом —
И снова в кабину, на взлёт.
Я знаю: за тем поворотом
Увижу другой поворот.

Дороги сложны и опасны,
На каждой своя западня.
Но всё же мне ближе контрасты,
Чем скудость безликого дня.

«Я срываюсь из тёплой постели...»

Я срываюсь из тёплой постели,
В дефиците желанных минут.
Эти гонки мне так надоели
И упрёки домашних зануд.

Вот, казалось бы, что тебе стоит
Подниматься, как все, по звонку.
Аккуратного время не гонит,
Есть в запасе десятков секунд.

Жизнь проходит на грани гротеска,
Между светом мотаюсь и тьмой.
Я пишу на ходу смски,
Растворяясь в игре сетевой.

По привычке к своей остановке
Подбегаю в последний момент.
От напористой прыти неловко,
Даже спешка – не тот аргумент.

Тороплюсь, заполняя пустоты
Обезличенных душ и машин.
Вот опять опоздал на работу,
Не имея весомых причин.

«Накрапывает нудно дождь унылый...»

Накрапывает нудно дождь унылый,
Окутав землю серой пеленой.
Напротив мокнет ворон чернокрылый,
Стеклянный взгляд пронзает, как иглой.

Я маюсь в безысходности тоскливой,
В промозглой череде осенних дней.
Смотрю на остов облетевшей сливы
Потухшим взглядом... нет живых идей!

Во мне осталось только сожаленье,
Разбавленное скудостью садов.
Мы покорились и не ждём спасенья,
Тепло ушло от наших берегов.

Отныне прозябать в домашней клетке,
Погожих дней сверкающих не ждать.
Мой чёрный ворон, посидев на ветке,
Взмахнул крылом и скрылся, словно тать.

На жаркое лето 2010 года

Я скрылся от проблем за хвойным лесом,
В верховьях Волги прямо у реки.
От зноя дом казался слишком тесным,
А здесь свежо – просторы широки.

Я приобрёл желанную прохладу,
На краткий срок спокойствие в душе.
И каждый день, считая за награду,
Счастливо жил, как с милой в шалаше.

И вот опять вернулся в душный город,
Где раскалился докрасна бетон.
Как никогда мы ждём с надеждой холод,
Разрушить бы циклона бастион.

Я не носил блокнот в своём кармане,
Потраченного отпуска не жаль.
Затихла муза в торфяном тумане,
Не счастье вдохновляет, а печаль!

«В Петропавловской церкви венчались...»

В Петропавловской церкви венчались
На Казанскую будничным днём.
Наши лица в стекле отражались,
От волнения пылая огнём.

В центре храма стояли на плате —
Белоснежном, как выпавший снег;
Я в рубашке, ты в простеньком платье,
А над нами венцы – оберег.

Захмелели слегка от кагора
После нескольких жадных глотков.
Песнопенья церковного хора
Успокоило Божьих рабов.

Ощущая величие действия,
Трепетал, словно пламя свечи.
Как главе молодого семейства,
Сам Господь предоставил ключи.

Пред Твоими очами, о Боже!..
Мы как будто стояли в раю...
В тайне веря, что Ты нам pomoжешь

Сохранить освящённый союз!..

Снежное нашествие

За последнее время всё чаще
Потепление давит стеной.
В январе нет сугробов хрустящих,
Только лужи и дождь ледяной.

Закрепившись, ледышки на ветках
Прогибают деревья к земле.
Мы хвораем, глотая таблетки,
Не торим по лыжне новый след.

Да и солнце, как в круге полярном,
Не желает порадовать нас.
Мы отравлены светом фонарным,
Белизны не хватает для глаз.

Но сегодня... О чудо!.. Свершилось!..
Снегопад и метель в кураже.
Ты явила великую милость,
Поклонюсь Ледяной госпоже!

Я люблю по стихии побегать,
Пусть глумится пурга надо мной.
Поздравляю с нашествием снега:
Лучше холод, чем слякоть зимой.

Полынья

Храм души моей – словно пророчество,
Заколочены окна и дверь.
И бреду я по скользкой обочине
После долгих, жестоких потерь.

Сколько силы бездарно потрачено,
Заблудился в холодной ночи.
Сколько старых долгов не оплачено,
Незажившая рана сочит.

Не утешить недуги примочками,
От печали несдержан и груб.
Я страдаю бессонными ночками,
Отдирая просоленный струп.

Закружила зима и завьюжила.
Лето кануло в небытие.
Вместо инея – чёрное кружево,
И барахтаюсь я в полынье.

Русь моя

Русь моя тиха и безмятежна,
Бесшабашной удали полна.
Для очей восторженных – безбрежна,
Для души – такая глубина!..

Не чужой тебе, не постоялец,
Ревностно хранила столько лет!
Манит сквозь заснеженные дали
Уходящий в детство санный след.

Ты мне подарила звон покосов,
Скромный быт крестьянский – без затей.
Пчёл жужжанье в травах-медоносах,
Величавый вид монастырей.

Часто колесил я по ухабам,
Вспенивая глинистую хлябь.
Помогал в колхозах местным бабам
Убирать картошку на полях.

Донесётся эхом отдалённым
Стук бадей и плошек у крыльца.
Вижу в силуэте утомлённом
С дойки приходящего отца.

Прошлых дней воспоминанья святы!
В городской среде другой уклад.
Но я помню стойкий запах мяты
И в цветах сирени палисад.

Я обласкан летними кострами,
Шелестом берёзовых ветвей.
Русь моя, омытая слезами,
В колокольном голосе церквей.

Наследие

Бреду ли я полем душистым,
По кручам ли диким взбираюсь —
Дышу пьяным воздухом чистым
И радуюсь отчему краю.

От Рюрика земли России
В кулак собирались веками.
Кровавые дни тирании
Омыты скупыми слезами.

Мы многим обязаны предкам,
Им жить под ярмом не хотелось.
Сражались за Родину крепко,
Спасало упорство и смелость.

Дорога к свободе сурова:
Прошли через иго и смуту.
И если б не сечь Куликова —
Не быть в сорок пятом салюту.

Мы приняли знамя победы.
Наследие прошлого – свято!
Его нам оставили деды,
Их славой и честью богаты.

Пусть будет Держава всеильной,
Хранимой от войн и распада,
Пока в сизой дымке кадильной
Горит пред «Казанской» лампада.

Человек-великан

Дом Павла Флоренского – маленький домик.
Он выстрадал много за век роковой.
Стоит и поныне – застенчив и скромн,
Заросший сиренью, на горке крутой.

Учёный, священник, поэт и мыслитель,
Здесь жил «Леонардо» Великой Руси.
А рядышком Лавра – Святая обитель,
Источник его вдохновенья и сил.

Сюда приезжали Шергин и Волошин,
Сам Нестеров с кистью стоял во дворе.
Спокойный уклад большевизмом отброшен,
И в пропасть страна понеслась в ноябре.

Ты мог бы уехать, обет не нарушив,
Но выбрал Голгофу – дорогу Христа.
Сгубили пигмеи безгрешную душу,
Невинная кровь в Соловках пролита.

Смотреть тяжело в документах зловещих,
Каких величин достигал беспредел!..
Ранимое сердце с надрывом трепещет
От страшного слова в анкете – «расстрел».

Воздвигнутый крест, всем за веру страдавшим,
Напомнит потомкам о жертвенном дне.
Забуть невозможно о подвиге Вашем,
Со Всеми Святыми теперь наравне.

Дом Павла Флоренского – маленький домик,
Но в нём проживал человек-великан.
В истории нашей на самом изломе
России истерзанной Господом дан.

«Огни провинциальных городов...»

Огни провинциальных городов
Лампадным светом теплятся тоскливо.
Простая жизнь идёт неторопливо
Под скрип и шелест стареньких садов.

Дома покрыты пылью вековой,
И мало что меняется с годами.
Все улицы, размытые дождями,
Устремлены к дороге столбовой.

Я здесь мужал – в затерянной глуши,
Под марши первомайских демонстраций.
Среди кустов сирени и акаций
Формировался мир моей души.

Была ещё краса родных земель,
Наполненная белыми церквями.
И Благовест, и Пасха с куличами
Мою оберегали колыбель.

Народ глубинки добр и терпелив,
Привык по жизни обходиться малым.
Как и во всяком месте захудалом,
Одна отрада – пиво на разлив.

Преград не зная, тополиный пух
Летит в начале лета ошалело.
На ладане и ветхости замшелой
Заквашен русский уникальный дух.

Моему городу

Люблю я Сергиев Посад,
Мой городок провинциальный!
Его размеренный уклад
И звон – задумчиво печальный.

Люблю смотреть на суету,
Когда в ней сам не заморочен.
Ищу в толпе бегущих ту,
Чьё имя прячу между строчек.

Не надоест вокзала шум
И лязг усталых электричек.
В свободный день я не спешу,
В людском потоке – обезличен.

Законы жизни старят нас,
А город древний – молодеет.
Он выставляет напоказ
Свои фонарные аллеи.

В них новизны холодный блеск,
Уют приземистых скамеек.
Вот так и хочется присесть,
Когда на улице стемнеет.

Народ спешит, куда ни глянь,
И где-то я бреду, сутулясь...
А в центре – Лавра – бриллиант,
В огранке обновлённых улиц.

Люблю я Сергиев Посад,
За что люблю – и сам не знаю!..
Я именем твоим богат,
Грущу с тобой и процветаю!

Осенний пожар 2019

В календарное лето ни строчки
Не черкнул – непогодой измучен.
Не дождался желанного... впрочем,
Лишь июнь был со мною созвучен.

Потому к увяданью спокоен.
И сентябрь благодатней июля.
Тосковать в этот раз не настроен —
И о светлых ночах не грущу я.

Отогреюсь в осенних пожарах,
В ярко-красных осиновых вспышках.
Вдохновенный кленовый подарок
Золотым откровением вышит.

Я по жизни иду – мимоходом,
Подготовлен к любым переменам.
Внешне сдержан, но кровь с каждым годом
Всё спокойней струится по венам.

Никогда не любил я дождливость,
Восхищался красой листопада.
Не надеясь на чью-либо милость,
Я себя потерял... вот досада!..

Поэт и скульптор

Что надо для скульптуры – гипс или камень.
Поэту карандаш и чистый лист.
В груди творцов пылает общий пламень,
И путь один – он труден и тернист.

Материал ваятеля – в избытке,
А стихотворцу – не хватает слов.
И созидают не с одной попытки,
Никто шаблоны ставить не готов.

Похожи два служителя искусства,
Скрепляет их невидимая нить.
Поэт и скульптор родственные чувства
По-разному способны воплотить.

И разные, казалось бы, течения,
Но все работы – людям напоказ.
Желающий – прочтёт стихотворенье,
И монумент узрит любой из нас.

Но всё же есть единая основа —
Большой художник от души творит:
Поэт скульптуру делает из слова,
А скульптор стих, используя гранит.

«Не увижу тебя летящую...»

Не увижу тебя летящую,
Безнадёжно потерян след.
Не услышу шаги звенящие,
Будет грустен и тих рассвет.

Ворвалась позабытой песнею
В мой не слишком весёлый быт.
Ты пришла и уйдёшь безвестною,
Хоть кричи и рыдай навзрыд.

Растопил по весне снегурочку
Беспокойный апрельский луч.
Мы не встретимся в переулочке,
Плавай дымкою возле туч.

И снежинки под ноги падали,
Всё как прежде, но я – другой!
Обменяться не сможем взглядами,
Что осталось?..
Болезь тобой!..

Кленовый букет

Восторженно смотрю на твой портрет
И вижу всё, включая закулисе.
Ты держишь пышный в желтизну букет
Подобранных с земли кленовых листьев.

Затмила ты великолепье роз,
Тогда зачем цветы моей мадонне?!
Густой каштан распущенных волос
В бордовом платье, растворяясь, тонет.

Улыбка Моны Лизы на устах
И кроткий взгляд задумчиво печальный.
Ты иногда проходишь в двух шагах,
Но вот лицо не рассмотреть детально.

Влечёт к тебе, рассудку вопреки,
Зелёных глаз магическая сила.
Замшелый пенёк весной пустил ростки,
Зачем его к восторгу оживила?..

Девочка-мечта

Ты выдумал меня. Такой на свете нет...
А. Ахматова

Я образ твой придумал, ну и что!
Ты значима лишь тем, что есть на свете.
Пришла незримо девочкой-мечтой,
Бескрылым ангелом...
Но я заметил.

Одну тебя заметил изо всех.
В потоке лиц ищу несмелым взглядом.
Хочу услышать голос твой и смех
И радуюсь, когда увижу рядом.

И что за блажь такая – не пойму?!
Я поддаюсь любому наважденью.
Секрета не открою никому,
Пусть для тебя останусь светлой тенью.

Желанье плоти слишком велико,
И часто потакать ему – опасно.
Тебя придумал я...
Не более того!..
Порхай свободно бабочкой прекрасной.

Фея под зонтом

Дождь и слякоть...
День казался пресным,
Но нисколько не грущу о том.
Для меня он выдался – чудесным:
Я увидел фею под зонтом!

Проплыла без видимых усилий,
Потревожить взглядом не дерзну.
Так легко, изящно и красиво!..
В сладких грёзах каждый раз тону.

Это всё каштановые косы
И твои лазурные глаза
Не дают покоя.
Смотришь косо...
Улыбнись хоть раз, моя краса!

Ждёт меня унылая работа,
Да и ты не радуешь теплом.
Всё равно весёлый отчего-то
Под своим распахнутым зонтом.

«Ты прости за бестактность слепую...»

Ты прости за бестактность слепую,
За нескромный растерянный взгляд.
Потерять, не нашедши, рискую
В сладких грёзах возделанный сад.

Не питаю напрасной надежды,
Не ищу ни свиданий, ни встреч.
Постараюсь бутон белоснежный
От волнений пустых уберечь.

Наполняй опустевшую чашу
Эликсиром любви и вином.
Я тобою судьбу разукрашу,
Только ты не узнаешь о том.

Нет меня – и не будет!..
Фантомом
Проскользну по атласу волос...
Незаметным для глаз, невесомым,
С ароматом пылающих роз.

«Ты волосы, спадавшие на плечи...»

Ты волосы, спадавшие на плечи,
Искусно в две косички заплела.
Кокетливой причёски не замечу,
Умрут во мне восторг и похвала.

Хотя предвижу в утреннем бутоне
Неотразимость нежного цветка.
Смотреть – не насмотреться...
В тихом стоне
Пронзительная кроется тоска.

Ты, несомненно, яркая находка,
Но не мои наполнишь паруса.
Упругой, невесомою походкой
Проходишь мимо, опустив глаза.

Не обернусь, не побегу вдогонку,
Безумных мыслей отгоняю рой.
Не потревожу хрупкую девчонку —
И потому скитаюсь сам не свой.

«Любить тебя, распятую другим...»

Любить тебя, распятую другим,
Нет больше сил...
Стряхну с себя усталость.
Я слишком долго был невозмутим,
Хотя сердечко тихо трепетало.
И вот оно умерило свой пыл,
И жар огня не оплавляет свечи.
Я пламя осторожно погасил,
Чтоб вновь зажечь фитиль для новой встречи.
Недолго был в забвенье одинок,
Другую музу встретил зимним утром.
Надежды вспыхнул слабый огонёк,
И засияла серость перламутром.
Но ты парила в звёздной вышине,
А я, как лис, на грозди винограда
Смотрел, осознавая, что не мне
Пить с губ твоих...
Оставь хотя бы радость.

Ладушка

Не могу насмотреться, милая,
На походку твою упругую.
Ах!.. Какая же ты красивая!
Подхватить бы на руки хрупкую!

Унести бы в луга душистые,
Где ромашки кудрявят травушку.
Там тропинки пылят змеистые,
Зацелую, занежу ладушку.

Не моя... не моя ты горлица,
Не утетишь в печали ласками.
Ты проходишь такая гордая,
Серый мир загорится красками.

Я немного смешон в наивности,
Мотыльком пролетела молодость.
Не надеюсь, не жду взаимности,
Принимаю смиренно холодность.

Но я рад, что Авророй утренней
Ты сверкнула в потёмках лучиком.
Как бунтует мой голос внутренний,
Не согреть мне дыханьем рученьки.

Вот смотрю на тебя скользящую,
А в душе расцветают лотосы.
Ты уходишь в весну звенящую,
Поправляя за ушком волосы.

«Ты сладкий сон манящего запрета...»

Ты сладкий сон манящего запрета,
Жемчужина во мгле морского дна.
Туманная далёкая планета,
Так вожделенна, только холодна.
Чем больше волшебство очарованья,
Тем горше безысходность и тоска.
Ловлю твои тугие очертанья,
Но страсть мелькнёт, как пуля у виска...

«Поговори со мной.....»

Поговори со мной...

Так, ни о чём...

Завидно мне, что ты звонишь другому,

А я вздыхаю за твоим плечом,

Бросая тело в повседневный омут.

Остановись!..

Хотя б замедли шаг...

Увлечена мобильным разговором,

А я – в смятении – не знаю как

Привлечь твоё внимание...

Укором

Мне будет неуместный реверанс,

Тем более дурацкая улыбка.

Ты предоставь мне (ну хотя бы) шанс,

А то всё как-то призрачно и зыбко...

Да что там говорить, опять прошла,

Не посмотрев...

Глаза твои застыли...

Ты проскользнёшь так быстро, как стрела,

Пронзи меня вниманием – на вылет.

«Избегаю свиданий настолько...»

Избегаю свиданий настолько,
Что меняю привычный маршрут.
Но в разлуке становится горько,
Беспокойные мысли гнетут.

Если встречу на людях случайно,
Буду слеп и сознательно нем.
Наша сладкая с горечью тайна
Не должна быть раскрыта никем.

Разрывая контакты упрямо,
Сам себя загоняю в тупик.
В каждом взгляде останется рядом
Твой прекрасный задумчивый лик.

Мир земной для страданий дарован,
Заморочен на сотнях табу.
Я тобой на беду очарован...
Не дозволено счастье рабу.

Параллель

Мы навстречу идём друг другу,
Но не можем сойтись никак.
Протянуть стоит только руку,
Да и в пропасть – короткий шаг.

Как безжизненны, строги лица,
Мы боимся в глаза взглянуть.
Потому и не могут слиться
Наши стёжки в единый путь.

Нет разумных причин и смысла
Навести хоть один мосток.
В параллельных мирах зависли,
Как два рельса стальных дорог.

Пусть мечта остаётся тайной,
Новый день пережить готов,
Если слышу твоё дыханье
И размеренный ритм шагов.

Скоро ты улетишь далёко.
В небеса устремляю взгляд.
О тебе журавлиный клёкот
И печальной любви закат.

На грани перемен

Зависла жизнь в тревоге перемен.
И вот уж замаячила граница.
Что обрету – свободу или плен?
Я так устал в предчувствии томиться!

С покорностью готовлюсь ко всему,
Желанья нет и сил сопротивляться.
Мне новые дороги ни к чему,
Начну страницу с нового абзаца!

Совсем недавно с лёгкостью б отдал
Накопленный багаж без сожаленья.
Теперь со мной бесценный капитал,
И новизна не даст мне утешенья.

Я берегу размеренный уклад,
В нём ты сияешь жемчугом прекрасным.
И потому – сумятице не рад,
Она грозит последствием опасным.

Я много знал и без того потерь!
Ещё одна прибавится отныне.
К тебе ведёт единственная дверь,
Как без неё в безжизненной пустыне?..

«Напои допьяна настоем...»

Напои допьяна настоем
Из целебных душистых трав.
Я тобою немного болен,
Нежу имя твоё в устах.

Ты же знаешь, какое зелье
Мне подсыпать в бокал вина.
Поскорей бы пришло похмелье,
Выпью всё, что ни дашь, до дна.

Уврачуй от тоски сердечко,
Расколдуй приворотный плен,
А не то обгорю, как свечка,
Я и так у твоих колен.

С каждым днём всё сильнее чары,
И теперь я совсем без крыл.
Поглотит «океан сансары»,
Быть свободным не хватит сил.

Склёванная вишня

Нет!.. Мы не будем вдвоём —
Вывод жестокий!
Плачет осенним дождём
Лес желтоокий.

Грустно брести одному
Ветру навстречу.
Порванных бус перламутр
Сыплет на плечи.

Нет больше сладостных грёз
В сердце застывшем.
Август надежду унёс
Склёванной вишней.

В серое небо смотрю
Взглядом потухшим.
Если встречаю зарю —
Только на кухне.

«Услышу крик во мгле ночной...»

Услышу крик во мгле ночной
И отзовусь.
Ты всё глумишься надо мной,
Сестричка-грусть.
Печален август и дождлив,
Я чуть живой.
Склонились низко ветки слив
Над головой.
Свечу поставлю к образам,
Шепнут уста.
Легко взметнётся к небесам
Моя мольба.
Едва коснулся я рукой
Твоих волос,
Но ветер с утренней зарёй
Тебя унёс.
Средь белых лилий, красных роз
Твои следы.
Остались там – в долине грёз —
И я, и ты.
Всего-то в августе пройти —
Один вираж.
Закончен праздник конфетти,
То был мираж.

Незнакомке

(с картины И.С. Глазунова)

Ты умоляюще глядела,
Как будто помощи ждала,
А за твоей спиной гудела
Обитель сытости и зла.

В кабацком шуме – одинока.
Глаза наполнены тоской.
Судьба коварно и жестоко
Над нами тешится порой.

Тебе не вырваться из ямы,
Хоть плачь и вой до хрипоты.
Законы общества упрямы —
Защиты нет у нищеты.

Прекрасный лик передо мною,
Но вечность разделяет нас.
Сразиться не под силу с тьмою
И рядом быть в недобрый час.

Барьер, возникший между нами,
Не суждено преодолеть.
Ты не изменишься с годами,

А мне из года в год стареть.

Далёкий огонёк

Погас и снова замерцал
Туманный огонёк...
Не слишком ярк твой накал —
То близок, то далёк...

Будь маячком в промозглой тьме,
В тебе надежды свет.
Плутают люди на земле,
Спаси от зла и бед.

Не каждого согреет луч.
И не подсветит путь.
Мой далеко под слоем туч,
Мелькни хоть где-нибудь...

Теперь я путник без тропы,
Бреду, не зная где.
Мои желания скупы:
Накормлен и одет.

Надеюсь, у чужих людей
Согреет чей-то свет,
Найду, возможно, и друзей,
А счастье?! Счастье – нет!..

«Как бы ни было тошно от скуки...»

Как бы ни было тошно от скуки,
Как бы сердце не ныло в груди,
Никогда не заплачу, а муки,
Если вспыхнут, то гаснут внутри.

Никогда не унижусь настолько,
Чтоб пощады просить у врага.
Как бы ни было больно и горько,
Не унижусь... мне честь дорога!

И в истерике биться не буду,
Умоляя ответной любви.
Успокоюсь, помывши посуду,
Только больше меня не зови.

Если кто-то из жалости, что ли,
Мне пытается чем-то помочь —
Я как будто страдаю от боли
И гоню благодетеля прочь.

Убегу от недоброго взгляда
В деревенскую тихую синь.
На скамью под рябину присяду...

Как пронзительно пахнет полынь!..

«Всю жизнь писал стихи.....»

Всю жизнь писал стихи...

Кому? Не знаю!..

Но для себя я выстрадал ответ:

Пишу себе... любому посвящаю

Свои раздумья, с каждым – тет-а-тет!..

Вот предо мной законченная книга

Никем ещё не читанных стихов.

А что же дальше?

Будет ли интрига?..

Соратников прибавлю иль врагов?

Завистников ли грубые усмешки

Меня заставят биться на плаву?

Иль не заметят в повседневной спешке,

Но лишь коллеги, верю, не солгут!

Смогу ли на показ пред всеми лично —

Что скрыл от глаз – открыто прочитать?

Боюсь чего-то, как-то непривычно

Всё тайное наружу выставлять.

Какое-то неловкое стесненье,

Как будто раздевают догола.

Я для себя писал стихотворенья,
Теперь звоню во все колокола.

Привычен я в тиши уединённой
Все мысли заносить в свою тетрадь.
И даже после ноченьки бессонной,
Я не хотел бы выдержку терять.

Найти хотя бы родственную душу,
Не обнажив словесные клинки.
Уютный мир словами не разрушу,
Достаточно протянутой руки.

Божий одуванчик

Сирена скорой помощи пронзила
Истошным воем тишину двора.
Сковала сердце жгучая унылость,
Придёт однажды и твоя пора!

Вот так же заберут чужие люди
Больную плоть в ближайший лазарет.
Безрадостный финал обычных судеб,
Всем только в тягость бабушка иль дед.

Приют один – больничная палата,
Холодная казённая кровать,
Где будешь ты, в предчувствии заката,
О жизни – без истерик – вспоминать.
...В сыром лесу разбросанный валежник
Ещё лежит, но пользы никакой.
Ты одуванчик Божий – не подснежник,
Не расцветёшь очередной весной.

Дыхнёт Творец – и превратишься в пепел,
Моли о снисхождении... моли!
Взойдёшь ли к новой жизни там, на небе,
Иль сгинешь в чреве выжженной земли?..

Пугает неизвестностью тревожной

Угрюмая загадочная тьма.

Всё, что ты сделал, видится ничтожным!

Но чем тогда заполнить закрома?..

Обугленное сердце

Обугленное сердце одиноко,
Романтикой любовной не сочит.
Красивых лиц не замечает око,
Лишь только дым воскресных панихид.

Угрюмо тучи надо мною кружат,
Лишая варварски последних сил.
Никто из благодетелей не нужен,
Да и себя давно я разлюбил.

Нет радости от шумных развлечений,
От пляжного спокойствия отвык.
Мне дороги часы уединений,
Где громче всех – шуршание листвы.

Чего хочу?.. О чём грущу?.. Не знаю!..
«Далёкое» мне видится во мгле.
В какой удел стремится жизнь земная?..
А скарб убогий отойдёт золе.

«Кто посмеет сказать...»

Кто посмеет сказать:

– Я против!..

Только мне одному решать.

Вот и час долгожданный пробил,

Разнесу в щепки тишь да гладь.

И к тому же, раскинув карты,

Получил в этот раз добро.

Непривычно я был азартен,

Закипела в горячке кровь.

Но, проснувшись холодным утром,

Мой придуманный мир поблёк.

Не одобрил хмельную смуту

И не стал собирать паёк.

Прогорели за ночь в камине

Дерзких мыслей моих дрова.

И романтики нет в помине,

Лишь проблемы – с девятый вал.

Не сумел завязать я узел,

За кадык зацепила грусть.

На вопрос «Почему ты струсил?»

Отвечаю себе: «И пусть!»»

«В разгаре пышном лепестковый май...»

В разгаре пышном лепестковый май.
Вот только нет во мне былых эмоций.
Глотками жадными сирень не пьётся,
Хотя взываю к ней: благоухай.

Ушли задор, и трепет прошлых лет,
И волшебство всеобщего цветенья.
Смогу ли я в порыве вдохновенья
Ветвей пахучих наломать букет?

Без цели, без нужды, а просто так!
Смотреть на них, пьянея от восторга.
Так много вспомнилось... и стало горько —
Запал души доверчивой иссяк.

Когда-то мог в закатный час в садах
От белизны цветов и сам светиться.
А что сейчас?.. Мне по ночам не спится,
Весна проходит для меня впотьмах.

На Рождество

Есть праздники, живущие веками,
Всем бедствиям назло.
На Рождество Христово в каждом храме
Уютно и светло.

Согреет нас в надежде на спасенье
Животворящий свет,
Не потому ли славим мы рожденье
Мессии много лет.

В простых яслях под сводами пещеры
Младенец закричал.
Явился в мир предвестник Новой эры —
Начало всех начал.

В тот самый миг зажглась на небосклоне
Заветная звезда.
И вот лучи сияют в каждом доме
От всех лампад – как дар.

Я в эту ночь отправлюсь к литургии
В ненастье и в мороз.
Поставлю пред иконою Марии
Букет из алых роз.

«Когда бы мир не был таким жестоким...»

Когда бы мир не был таким жестоким,
А зло земное не рождало зло,
Не был бы я забитым и убогим,
И в жизни горькой чаше бы везло.

А то скитаюсь где-то на задворках,
Не лезу в гущу суматошных дел.
Живу не в доме светлом, а в каморках,
И в значимых делах не преуспел.

Когда слова бы не смердели ложью,
Размытой от потока новостей,
Вершились бы законы правды Божьей,
Не процветал бы клеветник-злодей.

Не потому что я такой забитый
И не могу за правду постоять:
Задора нет во мне и прежней прыти,
Других бы самому не оболгать.

Когда бы ни тащили у Отчизны
И пьянь бы ни стояла у руля —
Не ждали бы коварные сюрпризы,

Заморская не гадила бы тля!..

Застыла Русь в стагнации дремотной.
Не видит кто пороков, тот блажен.
Погрязли мы в гулянке беззаботной,
О, Боже мой!.. Как мир не совершен!..

Лунная кровавость

Хотел взглянуть с пытливым интересом,
Как выглядит «кровавая Луна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.